

Профессор Ким был занят — одна за другой шли операции после ДТП, и он не мог выйти из операционной. Сообщать ему о ещё одной экстренной операции, когда он только закончит, мне совсем не хотелось.

«Он бы всё равно настоял, что будет оперировать сам».

Но я должен был его остановить. Запасы сил у врача не бесконечны. По сравнению с операционной, где на кону жизнь и смерть и кровь разлетается во все стороны, в травматологии было ещё терпимо.

— Я помогу.

— Не надо.

— Но...

— Я не сомневаюсь в твоей квалификации, но эту операцию я могу провести сам. Если хочешь помочь — проверяй пациентов снаружи, пока я буду в операционной. Да и операция эта, если честно, ещё под вопросом.

Мне не хотелось усложнять себе жизнь операцией, которая для той пациентки даже не была решена.

— Я слышал, профессор Ким почти закончил. Возможно, будет небольшое окно, но поговори с

ним, когда он выйдет.

Чхве Чжунхану сейчас нужен был профессор Ким, а не я. Я допил остатки воды и швырнул пустую бутылку в мусорку под ногами.

Я встретился взглядом с интерном. Вместо того, который упал в обморок, спустился другой. Светлокожий, с круглым лицом, похожим на пельмень — он показался мне знакомым.

«Кажется, Уиль?»

Имя интерна Чон Уиля запоминалось легко — уж очень оно было необычным. В отличие от других врачей, интерн Чон, одетый в сравнительно опрятный халат, растерянно озирался по сторонам.

Когда наши взгляды встретились, интерн Чон отвёл глаза, явно колеблясь. Я слегка кивнул — и он подбежал ко мне, будто только и ждал знака.

— В чём дело?

— Ну, э-э...

— Ясно, что проблема. Говори прямо.

Интерн Чон кивнул и принялся объяснять.

Он спустился временно подменить упавшего коллегу, и несколько часов назад другой ординатор поручил ему зашить пациента с колотой раной левой руки. А сам ушёл — сказал, что есть другие дела. Что тут могло быть не так, я не понимал — обычная рутинная задача.

— Просто сделай.

Он замялся. По его поведению я уже догадался, что он хочет сказать.

— Похоже, серьёзное повреждение связок.

— И что, не справишься?

Интерн Чон сдался — сложил руки в умоляющем жесте и опустил голову. Ответил тихо:

— Да.

— Ладно, понял.

Я спокойно кивнул в ответ на его признание. Он, похоже, удивился — наверное, ждал, что я взорвусь или начну кричать. Когда он поднял глаза, то даже вздрогнул.

— Лучше сразу сказать, что не можешь. Хуже — взять и напортачить, создав ещё больше проблем.

В других делах ошибка означает просто переделать, но в нашей работе одна ошибка может сломать пациенту жизнь или даже её отнять. Я, конечно, мог бы сам проверить состояние пациента, но если дежурный ординатор взвалил на интерна непосильную задачу — значит, есть проблема.

Неважно, кто прав, а кто виноват — нам нужен был толковый врач, чтобы защитить пациенту запястье. Я чуть повернул голову и посмотрел на Чхве Чжунхана.

— Я схожу, сонбэ.

Мягкий голос в сочетании со словом «сонбэ» прозвучал странно. Кто он такой, чтобы называть меня сонбэ? Хотя Чхве Чжунхан и я учились в одной медицинской школе, наши пути разошлись кардинально.

Чхве Чжунхан после получения корейской лицензии тут же сдал американский экзамен и уехал в Штаты. Так что даже если мы из одной школы, называть нас «сонбэ-хубэ» было, мягко говоря, натянуто.

Несмотря на всю неловкость от этого «сонбэ», мой рабочий мозг заработал автоматически. Я пришёл к выводу, что лучше отправить новичка Чхве Чжунхана, чем идти самому.

— Иди.

— Спасибо.

Поклонившись, Чхве Чжунхан исчез вместе с интерном Чоном. А я тем временем занялся своими делами.

Пациент из реанимации перешёл в обычную палату, а пациент из процедурной наконец-то поступил в отделение интенсивной терапии. С души как будто камень свалился.

Доктор Нам, который передал пациента младшему коллеге и вернулся в травматологию, снова появился. Я обратился к нему:

— Ну как там?

— Бардак, профессор. Родители — оба в Калифорнии. Пациентка устраивает скандал, требует выписки.

— Ого. А другие опекуны?

— Телефон заблокировала, на контакт не идёт, полиция ничего не может сделать. Пытаемся

дозвониться до родителей, но они не берут трубку — наверное, из-за разницы во времени.

Я её не видел, но уже чувствовалось — девушка с характером.

— Врачи из приёмного покоя тоже сказали, что о выписке не может быть и речи.

— Ещё бы.

Неважно, канцелярские ножи там или что-то металлическое — как и сказал Чхве Чжунхан, сути это не меняло. С того момента, как она поступила в приёмный покой, и до тех пор, пока инородные предметы не выйдут из организма естественным путём, она не имела права покидать больницу.

— Требуется выписка под расписку, вопреки рекомендациям врачей.

— Выписку под расписку? Она что, из медицинской сферы? Откуда она знает это слово?

— Если бы была из нашей сферы, не стала бы делать такую глупость. Скорее всего, прочиталась в интернете.

Пока мы с доктором Намом обсуждали пациентку, медсестра сообщила, что операционная готова.

— Другие профессора пытаются её удержать.

— Кошмар.

— Да уж... Секунду.

Доктор Нам отошёл ответить на звонок из приёмного покоя. Разговор звучал серьёзно, поэтому медсестра замерла, прислушиваясь к голосу доктора Нама. Положив трубку, он посмотрел на меня и на медсестру.

— Пациентка идёт на операцию.

— Ох, боже.

— Я пойду готовиться.

Медсестра развернулась и скрылась в операционной, а я встал, чтобы встретить пациентку, которую должны были доставить.

Войдя в операционный коридор, я столкнулся с профессором Кимом, который только что закончил операцию. Хотя мы находились в одном здании уже больше двенадцати часов, я

впервые сегодня увидел его лицо.

Профессор Ким, всё ещё в хирургической маске, приоткрыл рот, будто собираясь сказать что-то важное.

— Профессор Кан, операция...

— Доктор Чхве уже здесь!

Мы с профессором Кимом обменялись короткими фразами и разошлись. Увидев, что за мной входят медики, профессор Ким бесшумно отступил в сторону, освобождая проход.

Как только мы вскрыли брюшную полость пациентки, хлынула кровь. Я зашил повреждённую тонкую кишку и извлёк канцелярский нож. Каждый раз, когда лезвие с глухим стуком падало в лоток, звук разносился по операционной.

Суматоха стихла, состояние пациентки стабилизировалось. Анестезиолог Юн Тхэсик, стоявший у изголовья, нарушил молчание:

— И как же надо было разнервничаться, чтобы проглотить канцелярский нож?

— Понятия не имею, я никогда не пробовал.

— Ты такой резкий. А я тогда что, дурак, что спросил?

— Наверное, отсутствие чувства самосохранения.

— Это ты так считаешь?

— А может, и нет.

Хотя я отвечал коротко, я старался добросовестно поддерживать разговор. Юн Тхэсик пришёл на экстренную операцию без единой жалобы, сразу после долгой хирургии. Именно благодаря его помощи я смог оперировать пациентку.

— В следующий раз угостишь меня выпивкой.

У Юн Тхэсика была привычка — всякий раз, когда он кому-то помогал, просить его угостить. Я слышал это уже в пятый раз, но он ни разу меня не напоил.

— Придётся тащить целый ящик.

— Уже столько накопилось?

— Вот именно. Ты вообще осилишь столько?

— Эй, не бывает бесплатной выпивки, которую я бы не осилил.

Юн Тхэсик не сводил глаз с монитора. Хотя он это и говорил, ни он, ни я не предлагали назначить дату или время. В операционную вошёл хирург-ординатор. Все повернули головы, словно спрашивая: «В чём дело?» Он объяснил, зачем пришёл.

— Профессор Ким просил вас зайти.

— А, да?

— Да. Сказал, что к этому времени вы уже должны закончить.

Он встал передо мной так естественно, будто был привидением. Оценив состояние пациентки, он заговорил снова:

— Я думаю, я смогу доделать.

— Тогда оставляю на тебя.

— Да. Вы хорошо поработали.

Передав пациентку, я вышел из операционной. Похоже, пока я оперировал, с опекуном пациентки всё-таки связались.

Когда доктор Нам объяснил, что операция в процессе, те поняли. Я поднял глаза на часы. Был рассвет.

Время пролетело незаметно. Я проголодался. Я рухнул на стул как труп. Надо мной закачалось что-то — спортивный напиток. Думая, что это чья-то шутка, я поднял голову.

Это был Чхве Чжунхан.

— Хотите?

У меня пересохло во рту, и я слишком хотел пить, чтобы отказываться. На бутылке выступили капли холодной воды — будто её только что достали из автомата. Чхве Чжунхан щёлкнул большим пальцем по крышке и протянул мне напиток.

— Сонбэ.

— Почему я тебе сонбэ?

— А разве вы не из Корейского университета?

— Да, но если называть сонбэ каждого, кто учился в той же школе, то половине профессоров здесь надо говорить «сонбэ-ним», а не «профессор».

Честно говоря, мне просто не хотелось слышать это слово из уст Чхве Чжунхана, поэтому я придумал отговорку. Выпив половину напитка, я вспомнил о пациенте, который был до операции.

— А что с тем пациентом?

— А, запястье. Интерну было тяжело, так что я доделал.

— Слава богу.

Пока я был в операционной, Чхве Чжунхан мотался по травматологии, помогая везде, где только мог.

— Старательный.

Когда утром он сказал, что не придёт, а потом привёз пациента, я подумал: «Что это за тип?» Но, к счастью, Чхве Чжунхан оказался человеком трудолюбивым. Он развернулся и зашёл внутрь. В руках он держал мой халат.

— Спасибо, что одолжили. Но... он тут весь в пятнах.

Чхве Чжунхан неловко почесал затылок. Я крутил в руке пустую банку из-под спортивного напитка. До меня дошло, что напиток был взяткой за то, что он испачкал мой халат. Бросив пустую банку в мусорку, я забрал халат обратно.

— Ерунда. Пачкать одежду — часть работы.

Халат и до того был не в лучшем состоянии. Ещё немного грязи ничего не меняло. Чхве Чжунхан смотрел, как я надеваю халат.

— Сонбэ.

Опять это слово. Я же сказал ему не называть меня так.

— Ты ни капли не изменился.

Длинные ресницы дрогнули под опущенными веками. Я не понимал, что имел в виду Чхве Чжунхан. Не изменился? О чём он говорит?

— Доктор Чхве, мы разве знакомы?

<http://bllate.org/book/20325/2059434>